

ЛЕСТНИЦА «ЗВЕЗД»

Сев. Кувшуров. — 1990 — 16 июня. — С. 10

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОЧЕВИДЦА

НАВЕРНОЕ, это огромное везение — быть очевидцем одного из крупнейших в мире, громких состязаний талантов, носящего имя Чайковского. Девятый раз пришел он в нашу страну, вовлекая в свою орбиту новых действующих лиц, новых главных героев.

Итак, история конкурса за три с лишним десятилетия — запечатлевшиеся в памяти факты, записи в блокнотах, заметки, опубликованные когда-то, и те, что лишь составляют «семейный архив». Иными словами, своего рода «досье» на конкурс, на все восемь глав его биографии...

Холодный, мрачный март 1958-го. Первый Конкурс имени Чайковского, по контрасту названный знаменитой Маргаритой Лонг «весной мира». 18 марта в Большом зале состоялось его открытие. Вдохновитель, инициатор состязания и председатель оргкомитета — Дмитрий Дмитриевич Шостакович.

На первом туре в тот первый год предстояло прослушать 80 участников из 23 стран. Всеобщий интерес к происходящему событию был самый горячий, и казалось, что на 26 дней жизнь столицы вся сосредоточилась на музыке. Ежедневно, с самого раннего утра до позднего вечера, шумная толпа людей самых разных поколений собиралась у памятника Чайковскому: обсуждали прослушанное, оценивали, спорили, добровольно выполняли «службу жюри», выставляя оценки, прогнозируя победителей.

Все поменялось со второго тура, когда вступил в «игру» 23-летний пианист, сразу же вознесшийся на Олимп, — Вен Клайберн. По тогдашним условиям состязания, победители любых других международных турниров механически освобождались от первого отборочного прослушивания. (Правда, впоследствии этот пункт условий был отменен, потому что далеко не все, получившие такие льготы, заслуживали их). Первый же выход Клайберна сразил и жюри, и публику: за ним признали талант несравненный, и только и было разговоров об этом юном создании. А уж в третьем туре после исполнения 1-го концерта Чайковского и особенно III — Рахманинова зал неистовствовал: ревел, выл, гремел от восторга. Так появился всеобщий кумир «Ванечка» (его нежно «окрестили» на русский лад), появился не только на нашей, но и на мировой музыкальной орбите.

Зато на прослушивании скрипачей слияния душ в оценке выступавших не получилось — решительное расхождение, и достаточно бурное, произошло между жюри и «болеельщиками»: первые сделали ставку на Валерия Климова — его увидели лучшим, а вторые — румынского скрипача Штефана Руха. И все время шел бессловесный, но очень выразительный, заметный «спор». Что ни говори, публика мочу в этом смысле — она умеет подбодрить, поддержать выступающего, показать, что она за него; может и с презрением «промолчать». Любопытная подробность: неожиданно для всех, может быть, и для себя, во время выступления молодой музыкант вдруг стремительно удалился со сцены (как он объяснил за кулисами, глотнуть свежего воздуха) и столь же стремительно вернулся. Зал отреагировал горячо — дружно зааплодировал, стараясь приободрить, успокоить. Однако это не помешало «болеельщикам» при вручении Климову завоеванной золотой медали встать и долго, настойчиво скандировать: «Ру-ха», «Ру-ха», «Ру-ха» пока происходила вся эта торжественная церемония (Штефан Руха получил лишь бронзовую медаль). Ничего не поделаешь — «глас народа», хотя и в период, далекий от нынешней гласности...

Из истории конкурса. Ворошу в памяти и в записях факты, события, способные передать атмосферу конкурсной жизни на разных ее этапах. Постепенно в орбиту московского состязания под эгидой Чайковского попадали все новые и новые музыкантские «профессии» — на втором прибавился виолончелист, на III — вокалисты. Соответственно росло число участников, причем по каждой группе; миру открывались новые имена талантливой молодежи. И вместе с тем, поскольку Оргкомитет по условиям оплачивал каждому прибывающему значительную долю расходов, связанных с проездом и проживанием, появилось немало «случайных» людей — то позволявших себе просто прокатиться в далекую страну, а то — на первый раз примериться, а дальше, мол, видно будет. Слушались и просто казусы.

Помню, вышел на сцену очень

уверенно, неторопливой походкой высокий, худощавый юноша — пианист с Кипра. Долго прилаживал сиденье, уселся поудобнее, приподнял руки над клавиатурой и... «прокуковав» дважды начальные ноты Прелюдии Баха, спокойно встал и столь же неторопливо, величественно удалился со сцены. На том и закончился его конкурсный путь. Едва ли не через день похожая история произошла с канадцем, кстати сказать, по биографии, изложенной в буклете, достаточно опытным музыкантом, самым старшим в тот год из группы участников. Сыграл он более чем несколько нот, но запутался, забыл и удалился. Что уж тут было — страх, отсутствие поддержки или элементарная неподготовленность к сложнейшему экзамену — трудно угадать. Нужно сказать, у советских участников такое не случалось, да и не могло быть — слишком тщательно просеивались они через «сито» прослушиваний разных уровней. Однако это не уберегло их от другого: от серой, по-школьному зазубренной игры, где ничего — от себя, а все — от учителя или копии, ухушенный вариант чьей-то трактовки. Такого много встречалось и у наших молодых исполнителей, и у представителей других стран и школ. И когда в этой массе появлялся истинный талант, «болеельщики» тотчас же брали его под свою «опеку».

Зато за англичанина Джона Огдона шла настоящая борьба. Борьба и в самом жюри. На одну доску были поставлены Владимир Ашкенази — блистательный, надежный виртуоз, тонкий музыкант, и Огдон, которого оценили неоднозначно — строгая, академичная профессура углядела у него стилистические неточности в прочтении классики, не могла простить пианисту случайно «задетые» ноты — мол, не хватает виртуозности. А «шекспировские страсти и контрасты» в его игре — то нежные, то буйные, то провинковенные, то неистовые краски, темперамент художника, артистизм, поиск новых решений — не могли остаться незамеченными другими. «Болеельщики» выбрали его неоспоримым лидером, а что решит жюри? Потребовалось суждение арбитра, и уж не знаю кем, но в качестве высшего судьи была приглашена на заключительное прослушивание Нина Петровна Хрущева. И все решилось по справедливости: Ашкенази и Огдон оба стали лауреатами первой премии. По справедливости! Очень важно. Поговаривали, что несогласие с теми, кто не хотел признать право английского пианиста на высшее место, и вообще несоответствие в критериях оценки талантов понудили Генриха Нейгауза и Святослава Рихтера отказаться от участия в жюри. Во всяком случае в следующий раз их уже не было в этом почетном списке...

Случались подчас и совсем скандальные истории, возникавшие от непонимания заинтересованности в ходе событий или от неудержимой страсти к предмету поклонения, избранному среди участников. Во всяком случае одна дама в пылу гнева по поводу «необъективности» оценки несравненного, на ее взгляд, таланта подстерегла у машины председателя жюри и при всем честном народе отвесила ему смачную пощечину. Другая — при таких же обстоятельствах плюнула в лицо. Увы, чего не сделаешь из любви к искусству!

А сколько неповторимо забавных, сугубо «конкурсных» сценок довелось наблюдать. Нахожу в папке «Имени Чайковского» старую запись, предвренную фразой «Судья» и «подсудимые» поменялись ролями: «...Лишь несколько часов назад восседавший за огромным столом, перерезавшим зал, председатель жюри виолончелистов наводил на конкурсантов страх своим непроницаемо строгим лицом. Трудно угадать, что ждет выступающего. А теперь «судья» — на сцене, «подсудимые» — в зале, забитом до отказа. Концерт Мстислава Ростроповича. Здесь — все ясно: восторгов не сдерживать, аплодисмены громкоподобны, требования «бисов» разрывают воздух. Так меняются роли».

Из воспоминаний. Большой зал консерватории. Правое крыло 1-го амфитеатра всегда отводилось для участников, слушавших в свободное от выступлений и репетиций время своих коллег. Замечая в первом ряду американку Сьюзен Старр. Она впилась глазами в сцену, на которой выступает пианист Валерий Камышов. Звучат «Вариации на темы Паганини» Рахманинова. Сьюзен со всем старанием «играет» с Камышовым в «четыре руки», только он на сцене — на «Стэнвейе», а она — от

ноты до ноты, выполняет все пассажи, все штрихи, все паузы на... перилах первого амфитеатра. Проверю в буклете — через пару дней ей самой играть «Вариации» в III туре. Может быть, «генеральная репетиция» помогла Старр, во всяком случае она завоевала серебряную медаль, а Камышов оказался лишь на пятом месте.

Куда денешься от железных «законов» конкурса, когда свершившееся нельзя оспорить, изменить — как уж сложится судьба!

Кстати, отголоски железных конкурсных «законов» автор этих строк испытал и на себе. По долгу службы мне положено было освещать ход соревнования, по долгу профессии и совести — освещать сколь возможно откровенно, объективно. А чем шире распространял свое влияние московский турнир, чем больше приезжало к нам одаренной молодежи, тем явственнее ощущалась тенденция во что бы то ни стало держать советским зная «первых», «лучших», «самых-самых», как принято это было во всем. И вот «на ринге» встретились два явно перспективных претендента — американский пианист Миша Дихтер, глубоко мыслящий, поэтичный, с тонким ощущением стиля, со своим видением музыкально-образного строя каждого исполненного произведения, и ленинградец Григорий Соколов — юный (16 лет), талантливый, хорошо выученный, с прекрасным пианистическим «аппаратом», позволяющим ему без труда исполнять труднейшие виртуозные произведения. Его, как я впоследствии поняла, и запрограммировали в лидеры — по всем статьям подходящая кандидатура. И вот в самый разгар событий появился на страницах «Советской культуры» очередной материал о конкурсе, где я, поправ «патристический долг», отдала предпочтение Дихтеру, а о Соколове сказала, что талант его непревзойден, но в кулуарах высказывается сомнение, стоило ли еще незрелому музыканту участвовать в столь серьезном турнире. И я склонна присоединиться к этому мнению. Скандал разразился грандиозный. Меня заставили на некоторое время замолкнуть, потому что, как писал в отчетной статье по конкурсу заместитель председателя Оргкомитета, ответственный работник Министерства культуры СССР, критик вынес преждевременно «безапелляционный отрицательный приговор». Естественно, сей «приговор» ничему не помешал и «план по лауреатству» благополучно выполнили, но шуму наделал много...

С каждым новым конкурсом планирование наших успехов отлаживалось все четче. Иначе и быть не могло, ибо для некоторых высокопоставленных лиц соревнования талантов превращалось не в праздник искусства, а в «престижное мероприятие». В доказательство — запись в блокноте выступления «очередного» министра культуры: «...мы с радостью убедились, что на эстраду Колонного зала Дома союзов и Большого зала консерватории советские исполнители вышли отлично подготовленными и единым коллективом артистов, сплоченных и проникнутых чувством гражданского долга перед нашим народом и правительством». Слова-то какие!

И чтобы престиж был как можно выше — большинство главных премий перепало именно нашим участникам. К примеру, итог одного года: из 8 скрипачей-лауреатов лишь два — зарубежных; другого — из 10 — 3 «уступили» музыкантам других стран. Или еще: из 6 вокалистов мужчин — 4 советских лауреата, а в другой раз и того больше — на 10 певцов, отмеченных премиями и званиями, лишь один «чужой». Вполне допускаю, что могут быть урожайные и неурожайные на таланты периоды, но подобные «везения» как-то настораживают. Правда, VII и VIII конкурсы несколько изменили картину: по фортепиано и виолончели наши не лидировали, больше призовых мест заняли исполнители из других стран. Видимо, мы уже без былой «щепетильности» принимаем свои неудачи и искренне радуемся чужим успехам, не стараясь их притормозить.

Ныне наступила новая эра в истории Московского международного конкурса имени Чайковского. «Праздничные будни» наступили. И в журналистском блокноте снова появляются записи, а в конкурсном буклете — «плюсы», «минусы», «вопросительные», «восклицательные знаки» — своя шифровка.

Конкурсный марафон стартовал.

М. ИГНАТЬЕВА.